

Цзи Сы мягко молвила:

— Закрой глаза.

Цинь Цзюнь закрыла глаза. Цзи Сы тёплой салфеткой стёрла с её лица «жёлтую кожу». Умывшись, Цинь Цзюнь вновь обрела лицо белое и нежное, словно очищенное яйцо. Цзи Сы молча смотрела на неё мгновение, затем лёгко провела большим и указательным пальцами по её щеке и с удовлетворением кивнула:

— Готово.

— Я голодна, — сказала Цинь Цзюнь, открывая глаза.

Цзи Сы:

— Сейчас подадут.

В Яньбяне преобладали засушливый и зимний сезоны, овощи здесь выращивать было трудно, оттого они были редкостью и ценились на вес золота. Поэтому в здешней кухне главенствовало мясо, а люди выростали крупными и могучими. Прибыв в Яньбянь, Цинь Цзюнь почувствовала себя лилипутом в стране великанов, а её невысокий рост лишь усиливал всеобщее пренебрежение.

Перебирая в миске несколько жёлтых листьев, Цинь Цзюнь усмехнулась:

— Кабы мы привезли пару телег овощей, их бы сметили в мгновение ока, да, пожалуй, и за бешеные деньги продали.

Цзи Сы ничего не ответила, лишь отобрала получше куски и подложила Цинь Цзюнь, а пожухлые и гнилые листья отложила в сторону, старательно прислуживая за едой.

— Но в старину-то холодильных повозок не было, не сохранить, — тихонько пробурчала себе под нос Цинь Цзюнь. Прислуживавшие ей Цзиньсю и Цзи Сы уже привыкли к её странным речам и не обращали на них внимания — расспрашивать означало нарваться на гнев, и тогда Цинь Цзюнь обзовёт тебя дурнем.

Поболтав сама с собой, Цинь Цзюнь взглянула на Цзи Сы:

— Садись, поешь.

Цзи Сы холодно взглянула на неё:

— Я служанка.

Аппетит у Цинь Цзюнь был неважный, она мало поела и отправилась на лежанку отдыхать. Цзи Сы, уложив её, лишь тогда села за стол и кое-как доела оставшееся.

В первый день в Яньбяне Цзиньсю оформила все бумаги, нашла место для торговли и пришла доложить Цинь Цзюнь.

— Зима на исходе, на пограничном рынке хорошего товара уже не осталось.

Цинь Цзюнь ответила рассеянно:

— Тогда будем менять только на золото-серебро. Меха и прочее — выборочно. Завтра откроем ящики на рынке, местные богачи, узрев истинного Будду, сами придут меняться.

Цзиньсю кивнула и вышла распорядиться. Цинь Цзюнь сладко зевнула, взяла кисть и принялась учить Цзи Сы, как вести счёт.

— Подойди, научу тебя счёту. Таблицу умножения слышала?

Цзи Сы приподняла бровь:

— Нет.

Цинь Цзюнь нараспев прочла её разок. Цзи Сы кивнула:

— Из «Девяти книг математики».

— Именно! Людей у нас мало, я говорить не могу, так что завтра будешь вести учёт, — сказала Цинь Цзюнь и, подумав, дала Цзи Сы ещё несколько наставлений.

На следующий день Цинь Цзюнь, загримированная под мужчину, в сопровождении «домашней челяди» повезла товары на рынок. Всё, что встречалось на пути, было типично для Яньбяня.

Дядюшка Ван передал Цинь Цзюнь разузнанные им цены:

— Цзинь чая меняют на лисью шкуру, полцзиня соли — на две тигровых шкуры, а виноградное вино, что бочками, — всего на несколько цяней лекарств. Господин, да это же чистая прибыль!

Помимо этого, шёлк, ткани, свечи, бумага и кисти в Яньбяне были товаром ходовым до невозможности. Даже сушёные грибы и батат, что Цинь Цзюнь скупала по дороге из Верхней столицы, и те пользовались бешеным спросом. А тигровые шкуры, оленина, волчьи головы, лисьи меха, виноградное вино, диковинные камни и прочие редкости, что в Центральных равнинах ценились на вес золота, здесь, в Яньбяне, валялись буквально под ногами. И это ещё под занавес зимы — попади они сюда в начале сезона, глядишь, и женьшень продавали бы вязанками.

Цинь Цзюнь только языком цокала, размышляя, что и принцессой быть не стоит — торговать надо:

— Чистая прибыль, говоришь... Выходит, все здешние торговцы — богатые мошенники?

Дядюшка Ван покачал головой:

— Казна забирает в налог почти восемь десятых, да ещё и требует платить по возможности золотом-серебром. Коли денег нет — забирают девять десятых товара. Люди из разных стран едут сюда торговать, чтобы потом перепродать у себя дома, но коли в том году цена на такой товар упадёт — заработал ты или прогорел, и не угадаешь.

Цинь Цзюнь прищурилась, прикидывая:

— Ладно, что бумаги заранее добыли. Наш товар, должно быть, обложат полегче.

На рынке Цинь Цзюнь, стоя на телеге, объяснялась жестами. В Яньбяне торговали сплошь мужчины, и, видя её в мужском платье, все принимали за хозяина, подходили и живо жестикулировали.

Цинь Цзюнь дёрнула Цзи Сы за рукав. Та кивнула и объявила всем:

— Меняем на золото-серебро.

— Золото-серебро? — Хужэни и китайцы коверкали речь, говоря на ломаном китайском, и жестикулировали. — Золота-серебра нет, господин, одни разности остались.

Золото и серебро были ходкой монетой, но на пограничном рынке у мелких торговцев редко водились крупные суммы.

Цинь Цзюнь подумала, что и на товары согласиться можно — всё равно потом можно будет сбыть их в Цинь-Чжоу за серебро, — и кивнула.

Торговцы тут же набросились на товар. Вмиг у прилавка стало не протолкнуться — все лезли к Цинь Цзюнь.

Цинь Цзюнь оттискивали всё дальше, говорить она не могла, а в нос уже ударял тяжёлый запах невымытых мехов.

Цзи Сы сказала:

— Если есть кони — тоже подойдут.

Кто-то пригнал нескольких ослов:

— Господин, коней каждый год в казну поставляем, ослов не надо ли?

— Ни скотины! Ни ослов! — кричал Дядюшка Ван. — Товар несите! Лисьи меха есть? Потише! Не толкайтесь!

Цзи Сы, ведя учёт, одновременно прикрывала Цинь Цзюнь. Цзиньсю, обняв меч, стояла поодаль и вместе с выделенными управлением солдатами поддерживала порядок, дабы никто не стащил товар.

На пограничном рынке были одни мужчины, отчего было шумно и вонюче.

— Господин! Господин! — Хужэни да западнокрайцы жестикулировали перед Цинь Цзюнь, наперебой стараясь привлечь её внимание. — Господин! Господин! Женщин надо? Вон там, внутри, есть хорошие!

— Что? — тихо переспросила Цинь Цзюнь, прикрыв рот веером. — На пограничном рынке и людей продают?

Цзи Сы, не отрываясь от записей, ответила:

— Само собой.

На рынке стоял гвалт, народу становилось всё больше. Купцы народ хитрый — многие подсовывали товар, наполовину хороший, наполовину поддельный.

Цинь Цзюнь только глаза разбегались. В конце концов она стала просто указывать пальцем, а Цзи Сы принимала товар у того, на кого указали.

Дядюшка Ван, принимая товар, зорко заметил:

— Пинь-нян, у этого торговца меха молью проедены.

— В самом деле? — Цзи Сы безразлично вычеркнула товар того человека из списка и с изящной улыбкой молвила:

— Катись.

Торговец: «...»

Цинь Цзюнь: «...»

Тёмные стражи разгружали и принимали товар, и вскоре все пятеро телег были опустошены и вновь забиты под завязку.

Все они впервые вышли торговать и порядком устали. Сун Вэньчжоу с утра пошёл за лекарствами, людей не хватало, и Цинь Цзюнь взяла с собой лишь Цзи Сы, чтобы пройтись и посмотреть.

Под занавес зимы в глубине рынка остались лишь мелкие торговцы. Торговали они лениво, грелись у огня и болтали с незнакомцами на непонятных языках.

Цинь Цзюнь не понимала ни слова. Она бродила между прилавками, высматривая, не попадётся ли что стоящее.

Побродив изрядно, она обнаружила, что на большинстве лотков — либо меха низкого качества, либо какие-то булыжники. «Да из них хоть алмаз, хоть нефрит добыть можно?» — помечтала Цинь Цзюнь и подошла к мужчине в длинном халате.

Цзи Сы, выдыхая облачко пара, спросила:

— Ханьец?

Торговец, закутанный в меховую накидку, дремал. Услышав голос, он медленно открыл глаза, увидел закрывавшую лицо Цзи Сы и замер, уставившись на неё как заворожённый.

— Тук-тук, — недовольно постучала веером по столу Цинь Цзюнь.

Ханьский торговец опустил взгляд, глянул на Цинь Цзюнь, затем снова на Цзи Сы и, подобострастно улыбаясь, спросил:

— Что господин желает?

Цзи Сы:

— Так, посмотреть.

Цинь Цзюнь, раздражённая, принялась перебирать на столе звериные шкуры и увидела, что на меньших по размеру шкурах нацарапаны какие-то кривые знаки. Она с недоумением взглянула на торговца.

Цзи Сы холодно спросила:

— Что нарисовано?

Торговец отмахнулся:

— А? Да карты сокровищ.

Цинь Цзюнь подумала, что это наверняка обман, но руки сами продолжали листать груды шкур.

— Не отведёте взгляд — выколю глаза, — нетерпеливо сказала Цзи Сы.

Окружающие торговцы закивали, но продолжали пялиться на Цзи Сы.

Вскоре Цинь Цзюнь с интересом выбрала две шкуры и поманила Цзи Сы. Та спросила торговца:

— Сколько?

Ханьский торговец глянул на шкуры в руках Цинь Цзюнь и хихикнул:

— Два ляна серебра.

Цзи Сы нащупала на себе два медных цянтя, бросила их на прилавок, монетки отскочили и угодили торговцу в лоб, отчего тот тут же рухнул без чувств. Окружающие, видя это, зашептались, указывая на Цзи Сы.

Цинь Цзюнь: «...»

Цзи Сы:

— Господин, пойдём.

Цинь Цзюнь, держа шкуры, шла и разглядывала их. Подойдя к лотку с сырым мясом, где торговал хужэнь, она нахмурилась, размышляя. Торговец же, увидев мужчину в сопровождении прекрасной служанки, решил, что подошёл покупатель, ослабил в двусмысленной ухмылке, вытащил из-под туши оленя связку бараньих хвостов и с грохотом швырнул её на прилавок, жестикулируя Цинь Цзюнь.

Цинь Цзюнь: «?»

Цинь Цзюнь дёрнула Цзи Сы за рукав, спрашивая, что это такое.

<http://bllate.org/book/16274/1465304>